

Н. Чернышевский

Письма без адреса

Н. Чернышевский. Письма без адреса

М., "Советская Россия", 1986

Составители член корреспондент АН СССР В. Р. Щербина и кандидат филологических наук И. В. Кондаков.

Автор примечаний И. В. Кондаков.

OCR Бычков М. Н.

Письмо первое¹

С.-Петербург, 5 февраля

Милостивый государь!

Вы недовольны нами. Это пусть будет как вам угодно: над своими чувствами никто не властен, и мы не ищем ваших одобрений. У нас другая цель, которую, вероятно, имеете и вы: быть полезными русскому народу. Стало быть, не от нас и не от вас должны ждать настоящей признательности за ваши и наши труды. Есть для них судья вне вашего круга, очень малочисленного, и даже нашего круга, который хоть и гораздо многочисленнее вашего, но все-таки составляет лишь ничтожную частичку в десятках миллионов людей, благу которых мы и вы хотели бы содействовать. Если бы этот судья мог произносить с сознанием дела оценку вашим и нашим работам, всякие объяснения между вами и нами были бы излишни. К сожалению, этого нет. Вас он знает по имени, но, будучи совершенно чужд вашего круга понятий и вашей обстановки, решительно не знает ни ваших мыслей, ни причин, руководящих вашими действиями; а нас он не знает даже и по имени. Согласитесь, милостивый государь, что такое положение дел фальшиво. Работать для людей, которые не понимают тех, кто работает для них,-- это очень неудобно для работающих и невыгодно для успеха работы. Думаешь, что какое-нибудь дело принесет пользу,-- и видишь, что оно остается неисполненным по недостатку сочувствия в людях, для которых предпринято. Вы испытывали это при каждом хорошем вашем деле. То же очень часто испытывали и мы. Это печалит и под конец сердит. Становишься мнителен и раздражителен. Не имеешь духа объяснить свою неудачу настоящею ее причиною -- недостатком общности в понятиях между собою и людьми, для которых работаешь; признать эту причину было бы слишком тяжело, потому что отняло бы всякую надежду на успех всего того образа действий, которому следуешь; не хочешь признать эту настоящую причину и стараешься найти для неуспеха мелочные объяснения в маловажных, случайных обстоятельствах, изменить которые легче, чем переменить свой образ действий. Таким образом, вы сваливаете вину своих неудач на нас; некоторые из нас винят в своих неудачах вас. Как хорошо бы оно было, если б эти некоторые из нас или вы были правы в таком объяснении своих неудач! Тогда задача разрешилась бы очень легко устранением внешнего препятствия успеху дела. Но грустно то, что никакие наши действия против вас или ваши против нас не могут привести ни к чему полезному. Апатичен остается народ: какой же результат могли бы произвести ваши заботы или наши хлопоты о <его> пользах, хотя бы вы или мы и остались на поле действия одни?

Вы говорите народу: ты должен идти вот так; мы говорим ему: ты должен идти вот так. Но в народе почти все дремлют, а те немногие, которые проснулись, отвечают: давно уж раздаются призывы к народу, чтобы он шел так или иначе, и много раз пробовал он слушать призывов, но пользы от них не было. Звали народ выручать Москву от поляков,-- народ пошел, выручил и оставлен был в положении, хуже которого не было прежде и не могло бы быть при поляках. Потом ему сказали: выручай Малороссию; он выручил, но ни ему, ни самой Малороссии не стало от этого лучше. Ему сказали: завоюй себе связь с Европой,-- он победил шведов и завоевал себе вместе с балтийскими гаванями только рекрутчину и подтверждение крепостного права. Потом, по новым призывам, он много раз побеждал турок, захватил Литву, разрушил Польшу и опять-таки не получил себе никакой пользы. Двинули его против Наполеона: он завоевал своему государству первенство в Европе, а сам был оставлен все в прежнем положении. Таковую же пользу он получал себе и от призывов, которые были после. Зачем же ему увлекаться теперь какими бы то ни было новыми призывами? Он не ждет себе от них другой пользы, как